

fan_zon

ВОЙНА КАЛИБАНА

ДЖЕЙМС КОРИ

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»

fanzon

МОСКВА 2018

УДК 82/89
ББК 84(7Сое)
К 66

Copyright © 2011 by Daniel Abraham and Ty Franck

All rights reserved.

Except as permitted under the U.S. Copyright Act of 1976, no part
of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted
in any form or by any means,
or stored in a database or retrieval system,
without the prior written permission of the publisher.

Перевод с английского Галины Соловьевой

В оформлении переплета использована
иллюстрация А.К. Agency / Stephan Martiniere

ISBN 978-5-91878-228-6

© Издание на русском языке.
ООО «Издательство Фантастика Книжный
Клуб», 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э»», 2018

Бестеру и Кларку, которые привели нас сюда

Пролог

Мэй

— Мэй? — позвала мисс Керри. — Отложи, пожалуйста, рисование, тебя ждет мама.

Девочка не сразу поняла учительницу — не потому, что слова были непонятные, в четыре года она уже не лепетала, как маленькая, — а потому, что они не вписывались в ее картину мира. Мама не могла прийти за ней. Мамочка улетела с Ганимеда на станцию Церера, потому что, как сказал папа, ей нужно было немножко времени для себя. Потом сердце у Мэй часто забило: «Она вернулась!»

— Мама?

Колени мисс Керри загораживали вид на дверь в раздевалку от сидевшей за маленьким мольбертом Мэй. Руки у художницы были липкими от краски: она рисовала пальцами, и на ее ладонях закручивались красные, синие и оранжевые вихри. Девочка наклонилась вперед и уцепилась за ногу мисс Керри — чтобы отодвинуть ее и заодно ловчее подняться.

— Ой! — вскрикнула мисс Керри.

Мэй посмотрела на пятно краски, оставшееся на брюках. Широкое темное лицо учительницы выражало сдержанный гнев.

— Извините, мисс Керри.

— Все хорошо. — Интонации голоса женщины означали, что ничего хорошего в этом нет, но наказывать Мэй она не

будет. — Пожалуйста, вымой руки и собери краски. А я сниму картину — ты можешь подарить ее маме. Это собачка?

— Это космический монстр.

— Очень славный космический монстр. А теперь, милая, пожалуйста, вымой руки.

Мэй кивнула и, взметнув полы халатика, побежала в ванную.

— И не прикасайся к стенам.

— Извините, мисс Керри.

— Ничего страшного, только, когда отмоешь руки, убери и это пятно.

Мэй до предела повернула кран. Краски, смешавшись, потекли с рук. Вытирая ладошки, девочка уже и думать не думала, чтобы не закапать пол. Казалось, сила тяжести сместилась и повлекла ее к двери в прихожую. Другие ребята, заразившись волнением Мэй, следили, как та отскребаёт цветное пятно со стены — почти начисто, — потом складывает баночки с красками в коробку, а коробку ставит на полку. Халат она стянула через голову, не дожидаясь помощи мисс Керри, и закинула его в бачок утилизатора.

В прихожей рядом с мисс Керри стояли двое взрослых, но мамы Мэй здесь не оказалось. Незнакомая женщина опасливо держала наотлет от себя космического монстра и вежливо улыбалась. Вторым взрослым был доктор Стрикланд.

— Нет, с туалетом она очень хорошо освоилась, — говорила мисс Керри. — Конечно, время от времени случаются промахи...

— Конечно, — согласилась женщина.

— Мэй! — воскликнул доктор Стрикланд, подхватив ее на руки. Ростом он был больше папы и пахнул солью.

Качнув Мэй, доктор пощекотал ей бока, и девочка зашлась смехом.

— Большое вам спасибо, — сказала женщина.

— Приятно было познакомиться. — Мисс Керри пожала женщине руку. — Мы рады, что Мэй занималась в нашей группе.

Доктор Стрикланд все щекотал Мэй, пока за ними не закрылась дверь «Монтессори». Только тогда девочка перевела дыхание.

— А где мама?

— Ждет нас, — ответил доктор Стрикланд. — Мы отведем тебя к ней.

Новые переходы Ганимеда строились широкими и богатыми. Воздухоочистители здесь были почти без надобности, потому что из множества больших гидропонных горшков расходились вверх и в стороны острые как ножи листья пальм арека. Вдоль стен вились широкие желто-полосатые листья чертова плюща, а в самом низу торчали незатейливые клинья тещинового языка. Лампы полного спектра сияли белым золотом. Папа говорил, что именно так светит Солнце на Землю, и Мэй представляла себе планету в виде паутины зеленых коридоров с солнечными полосами в ярко-синем небе-потолке. Ей казалось, что на стены там можно карабкаться и не останавливаться, пока не захочешь.

Мэй склонила голову на плечо доктору Стрикланду и, поглядывая ему за спину, называла все знакомые растения. *Sansevieria trifasciata*. *Eripremnium aureum*. Папа всегда улыбался, когда она правильно произносила названия. А когда она делала это, оставаясь одна, то успокаивалась.

— Еще? — спросила женщина. Она была красивая, но Мэй не нравился голос.

— Нет, — ответил доктор. — Мэй последняя.

— *Chisalipodocarpus lutescens*, — проговорила Мэй.

— Хорошо, — сказала женщина и тихо повторила: — Хорошо.

Чем ближе они поднимались к поверхности, тем уже становились коридоры. Старые тоннели выглядели грязнее, хотя на самом деле грязи в них не было. Просто ими дольше пользовались. Здесь, в жилых отсеках и лабораториях, обитали бабушки и дедушки Мэй, когда прилетели на Ганимед. В те времена глубже них ничего не было. Сейчас воздух здесь пах

необычно, а воздухоочистители трудились вовсю, гудя и постукивая.

Между собой взрослые не разговаривали, но время от времени доктор Стрикланд вспоминал о Мэй и обращался к ней с вопросами: какой мультик по стационарному телевидению ей больше всего нравится? с кем она дружит в группе? что сегодня ела на обед? Мэй ждала от него других, привычных вопросов и уже заготовила ответы.

«В горле у тебя не першит?» — «Нет».

«Ты просыпаешься потная?» — «Нет».

«У тебя в попе на этой неделе была кровь?» — «Нет».

«Ты принимаешь лекарства два раза в день?» — «Да».

Но в этот раз доктор Стрикланд ничего такого не спрашивал. Коридоры, которыми они проходили, становились все более старыми и узкими, так что женщине пришлось отстать, чтобы пропускать идущих навстречу людей. Картинку Мэй она все еще держала в руках, свернув в трубку, чтоб не измять.

Доктор Стрикланд остановился у двери без надписи, пересадил Мэй на другой локоть и достал из кармана брюк ручной терминал. Он набрал что-то в программе, которой Мэй раньше никогда не видела, и дверь открылась, хлопнув клапанами герметизации, совсем как в старых фильмах. Коридор за дверью был полон мусора и старых металлических ящиков.

— Это не больница, — сказала Мэй.

— Это особая больница, — ответил доктор. — По-моему, ты здесь еще не бывала, верно?

Мэй решила, что это не похоже на больницу. Скорее на заброшенные тоннели «трубы», о которых ей иногда рассказал папа. Заброшенные пустоты, которые жители Ганимеда использовали теперь только под склады. Правда, в конце коридора обнаружился шлюз, а помещения за ним больше походили на больницу. Здесь было чище и пахло озоном, как в карантинных боксах.

— Мэй! Привет, Мэй!

Ее окликнул один из старших мальчиков, Сандро. Ему скоро будет пять. Мэй помахала знакомому, когда доктор Стрик-

ланд проходил мимо. Ей стало спокойнее при виде старших ребят. Раз они здесь, наверное, все в порядке, хоть эта женщина и не ее мама. Кстати...

— Где моя мама?

— Мы встретимся с твоей мамой через несколько минут, — сказал доктор Стрикланд. — Только прежде надо сделать пару небольших дел.

— Нет, — сказала Мэй, — я не хочу.

Он пронес ее в комнату, чем-то похожую на врачебный кабинет, только здесь на стенах не было мультяшных львов и столы не изображали ухмыляющихся бегемотиков. Поставив Мэй на смотровой стол, доктор Стрикланд потрепал ее по голове. Мэй сложила руки на груди и недовольно поморщилась.

— Я хочу к маме. — Она раздраженно крикнула, подражая отцу.

— Хорошо, побудь пока здесь, а я посмотрю, что можно сделать, — улыбнулся ей доктор Стрикланд. — Ага?

— Думаю, пора стартовать. Свяжись с рубкой, загружайся и уходим.

— Я дам им знать. Подожди здесь.

Женщина кивнула, и доктор Стрикланд направился к двери. Женщина склонилась к Мэй красивое лицо — совсем без улыбки. Девочке это не понравилось.

— Отдай мою картину, — сказала она. — Это не для тебя, а для мамы.

Женщина, словно только сейчас вспомнив, взглянула на рулон и развернула бумагу.

— Это мамин космический монстр, — пояснила Мэй. Теперь женщина улыбнулась, протянула ей картину, и Мэй поспешно выхватила свое творение. При этом бумага немного помялась, но девочке было все рано. Она снова скрестила руки, поморщилась и крикнула, как папа.

— Ты любишь космических монстров, детка? — спросила женщина.

— Я хочу к маме!

Женщина шагнула к Мэй. Он нее пахло искусственными цветами. Обхватив девочку жесткими тонкими пальцами, она спустила ее на пол.

— Идем, детка. Я тебе что-то покажу.

Когда женщина отошла, Мэй заколебалась. Женщина ей не нравилась, но оставаться одной нравилось еще меньше. Она побрела следом. Женщина прошла по короткому коридору, набрала код, и большая металлическая дверь, похожая на старую крышку шлюза, откинулась. В новой комнате было холодно. Мэй это тоже не понравилось. Здесь не оказалось смотровых столов, только большой стеклянный ящик вроде аквариума, но без воды, и внутри была вовсе не рыба. Женщина поманила Мэй ближе и, когда девочка подошла, резко стукнула в стекло.

Существо внутри оглянулось на звук. Это оказался мужчина, но совсем голый, и кожа у него не походила на кожу. Голубые глаза светились, словно в голове у него горела лампочка. И еще у него было что-то не так с руками.

Он потянулся к стеклу, и Мэй завопила.

Глава 1

Бобби

— Снупи¹ опять в наряде, — сказал рядовой Хиллман. — Верно, он здорово разозлил свое начальство.

Сержант артиллерии Марсианского десантного корпуса Роберта Драпер увеличила изображение на налобном дисплее и взглянула в сторону, куда указывал Хиллман. В двух тысячах пятистах метрах от них на фоне сияющего купола маневрировала команда из четырех десантников ООН. Купол теплицы, охраняемый их нарядом, точь-в-точь походил на теплицу, за которую отвечала Роберта и ее люди.

У одного из ооновцев по сторонам шлема темнели черные кляксы — словно уши бигля.

— Точно, Снупи, — согласилась Бобби. — Сегодня он во всех патрулях. Интересно, что натворил?

Наряд по охране теплиц на Ганимеди вынуждал всеми способами разгонять скуку. В том числе — рассуждая о жизни солдат другой стороны.

«Другой стороны»... Полтора года назад не было никаких сторон. Внутренние планеты составляли одну большую, счастливую, малость беспорядочную семью. Потом случилась «история с Эросом», и вот две сверхдержавы разделили между

¹ Назван так, видимо, в честь одноименного персонажа комиксов Чарльза Шульца, черноухой собаки породы бигль. — *Здесь и далее прим. пер.*

собой Солнечную систему и никак не хотели уступить друг другу Ганимед — хлебную житницу Юпитера.

Ганимед единственный из всех лун обладал магнитосферой, и только на нем оранжерейные посевы могли выдержать жесткое излучение в поясе Юпитера, да и то купола и гражданское население приходилось защищать от восьми ежедневных вспышек, бьющих с поверхности планеты по ее спутникам.

Скафандр, надетый на Бобби, позволял пройти через воронку от ядерного взрыва спустя всего минуту после вспышки. Защищал он и от жара Юпитера.

За спинами патрульных-землян мягко сияли солнечные лучи, уловленные огромными зеркалами на орбите. Большую часть земных растений не спасли бы от солнечного голодания и зеркала. Выжить в этих отраженных лучах могли только модифицированные ганимедскими учеными сорта.

— Скоро заход, — заметила Бобби, поглядывая на землян, окруживших свою караульную будку, и понимая, что те тоже наблюдают за ней. Кроме Снупи она узнала Коротышку — получившего (или получившую) прозвище за рост не больше метра с четвертью. Бобби задумалась, какой кличкой наделили ее саму. Возможно, Большая Краснуха. Ее скафандр был окрашен в маскировочную расцветку для поверхности Марса. Бобби слишком мало прослужила на Ганимеде, чтобы успеть перекрасить его в серый с белыми разводами.

За пять минут одно за другим погасли орбитальные зеркала: Ганимед на несколько часов скрылся за Юпитером. Сияние оранжереи позади Бобби сменилось химическим голубым светом. Сила света не слишком изменилась, но странно, неуловимо сдвинулись тени. Солнце над ними — отсюда не столько диск, сколько очень яркая звезда — вспыхнуло, входя в гало Юпитера, и на минуту выявило тонкое кольцо планеты.

— Они уходят, — сказал капрал Тревис. — Снупи уносит задницу, бедняга. Может, и мы причалим?

Бобби оглядела монотонные серые льды Ганимеда. Холод ощущался даже сквозь усовершенствованный скафандр.

— Не получится.

Ее люди поворачали, но цепочкой последовали за ней в обход купола — медленно, шаркая от низкой гравитации. Кроме Хиллмана и Тревиса, в наряде с нею был зеленый новичок Гураб. Этот уроженец долины Маринера, хоть и провел в десанте примерно полторы минуты, ворчал не тише других.

Бобби их не винила. Бессмысленная работа. Способ занять делом марсианских солдат на Ганимеди. Если земляне попытаются захватить спутник, четверка ворчунов на куполе теплицы им не помешает. На орбите столпились десятки военных кораблей Земли и Марса, и если напряжение прорвется, то здесь, внизу, они узнают об этом, только увидев падающие бомбы.

Купол слева от нее поднимался почти на полкилометра: треугольные стеклянные панели разделялись поблескивающей арматурой медного цвета, превращая все сооружение в подобие клетки Фарадея¹. Внутри Бобби бывать не доводилось. Ее прикомандировали с Марса для усиления группировки на внешних планетах и с первых же суток ежедневно гоняли в пеший патруль. Ганимед представлялся ей космопортом, маленькой базой марсиан, и она научилась называть домом даже крошечный пост охраны.

Шаркая вокруг купола, Бобби озидала унылый ландшафт. Виды Ганимеда менялись только в результате катастроф. Поверхность состояла большей частью из силикатных пород и водяного льда, немногим более теплого, чем космос. Кислородная атмосфера была такой разреженной, что на промышленном предприятии сошла бы за вакуум. Здесь не существовало выветривания и эрозии. Ганимед менялся, когда метеорит падал на его поверхность или когда более теплая вода прорывалась из жидкого ядра наверх, на миг-другой образуя озера. И первое и второе случалось не так уж часто. Дома, на Марсе, пыль и ветер ежечасно создавали новый ландшафт, а здесь Бобби изо дня в день топтала собственные следы, и,

¹ Устройство для экранирования аппаратуры от магнитных полей.